

хорошо, а счастье лучше», развязки фабульных линий Параша—Гаврило, Поликсена—Платон можно было бы признать уже совсем неправдоподобными, художественно неоправданными. Но все дело не в фабульной ситуации, изображенной еще Плавильщикова, использованной Островским во многих пьесах, а в мотивировке всего сюжета характерами и обстоятельностью. Конечно, в образной системе комедии «Бедность не порок» не все мотивировано, что в какой-то мере приглушает ее прогрессивное звучание. «Бедность не порок» и «Сиделец» — несоизмеримые вещи. Однако это не означает, что «Сиделец» не мог оказать влияния на «Бедность не порок», что в нем нет реалистических и демократических элементов, созвучных и другим комедиям великого драматурга. Так, например, интересно задуман и отчасти исполнен Плавильщиковым центральный женский образ Параша, не похожий на соответствующий в сюжете Островского образ кроткой Любы. Дочь купца Харитона, Параша, по характеру ближе Параше из «Горячего сердца».

Харитон, решивший огдать дочь за Викула, встречает сопротивление и должен признать, что дочь от рук отбилась (д. 2, явл. 5). Невеста говорит жениху: «Так я и бояться тебя не хочу», а отцу заявляет: «Любить его не люблю, да и не буду» (д. 1, явл. 7). Мать заперла Парашу, но та «дверь из топлюшки выломала» (д. 4, явл. 5). При этом вспоминаются слова героини «Горячего сердца»: «Не ругаться им надо мной! Не сидеть мне в чулане! Зажгу я свой дом с четырех углов!» (д. 4, сцена II, явл. 6); «Пропадай ты пропадом, тюрьма моя девичья» (д. 2, явл. 7).

Н. П. Кашин, сопоставляя «Горячее сердце» с «Двумужницей», сделал заключение, что Островский заимствовал у Шаховского не только элементы фабулы, но и характеры, обстоятельность действия,⁹ с чем, конечно, нельзя согласиться. На основании фактов, приводимых самим исследователем, нельзя сказать, что «симпатичный образ» Параша «навеем личностью Груни». Островский черпал материал из жизни, оценивая ее критически. На значение образа Параша указывал К. С. Станиславский, который в ее поступках увидел «бунт человека против общества, против косности семейных устоев». Зародыш авторского сочувствия «бунту» героини есть в пьесе Плавильщикова, а в комедии Шаховского его нет и в помине.

Вся драматургия Островского — новаторская по своей сущности. В ней заключен глубокий общественный смысл, хотя события ряда комедий драматурга связаны с той же патриархальной купеческой средой, которую несколько ранее пытался изобразить Шаховской в «Двумужнице», далекой от реализма, а еще ранее — Плавильщиков в «Сидельце». Демократический подъем в России способствовал развитию сатирических традиций и усилению но-

⁹ Н. П. К а ш и н. Этюды об А. Н. Островском, т. I. М., 1912, стр. 104.